

Император тайно сопровождал премьер-министра в его родовое поместье, чтобы забрать старые наставления покойного старого премьер-министра — он намеревался передать их наследнику.

В кабинете было чисто и прибрано: хотя сам премьер-министр в поместье не жил, оставшийся там старый слуга ежедневно проводил уборку.

Пока премьер-министр искал книгу, император осматривался вокруг, воображая то, о чем Ли Цзинъюй рассказывал в часы досуга: как в юности он сидел в этом самом кабинете за книгами, пока не начинал клевать носом, за что дед его сурово отчитывал.

Государь присел за письменный стол и принялся листать старые книги супруга. Всё сплошь серьезные и скучные труды — неудивительно, что над ними клонило в сон.

Внезапно между двумя книгами показался уголок бумаги. Он вытянул его, намереваясь аккуратно вложить обратно, но обнаружил, что это пожелтевший лист письма, аккуратно разглаженный, без единой лишней складки.

На бумаге была начертана стихотворная строка:

«О, если б я был звездой, а ты — луной, чтоб каждую ночь сиять друг другу в чистой вышине».

Между строк сквозила глубокая нежность.

Император прочел это вслух.

Премьер-министр, услышав, обернулся и, увидев в руках государя ту бумагу, мгновенно что-то вспомнил. Он бросился вперед, выхватил письмо и в сердцах воскликнул:

— Как ты смеешь подсматривать! — и спрятал лист за спину.

Император подумал, что почерк был изящным, но куда более незрелым по сравнению с нынешним письмом премьер-министра. Должно быть, это было послание, написанное Ли Цзинъюем в юные годы.

Нахмурившись, государь строго спросил:

— Кому это было адресовано?

Премьер-министр не удостоил его ответом. Он засунул письмо обратно на книжную полку, схватил книгу наставлений и потащил императора прочь.

Весь путь назад император ни на мгновение не умолкал, допытываясь:

— Так кому же всё-таки оно было написано?

Премьер-министр молчал, но император уже начал строить догадки:

— Неужели Мудрому принцу (Сянь-вану)?!

В те годы, когда Сянь-ван был еще седьмым принцем, он постоянно заходил к премьер-министру, чтобы побеседовать о делах земных и небесных.

Разгневанный премьер-министр больно наступил императору на ногу и в одиночестве заперся

в опочивальне, не впуская его внутрь.

Вечером перед сном попытка императора устроить «бурю в облаках» также была отвергнута. Он сидел рядом с супругом и, снедаемый ревностью, подробно перечислял, почему Сянь-ван — вовсе не подарок.

В юности этот седьмой принц днями напролет предавался кутежам в крупнейшем публичном доме столицы — павильоне Люсян, а став ваном, даже забрал оттуда с собой главную красавицу.

Император похлопал по одеялу, которым укрылся премьер-министр, и сказал:

— Он того не стоит, любовь моя, императорский брат того не стоит, — попытаюсь воззвать к логике.

Император вечно путался в именах и титулах, называя его то Цзинъюем, то «любимой наложницей», то «премьер-министром», то «дорогим подданным», то «императрицей». А в последнее время он и вовсе повадился подражать любовным романам, величая его «женушкой».

Премьер-министр пнул императора и отвернулся, намереваясь спать. Поймав летящую в него подушку, император вздохнул и тоже лег.

Перед сном он, полный ревности, всё нашептывал Ли Цзинъюю на ухо о том, как сам он с юных лет хранил чистоту и был добр душой. Что премьер-министр должен любить именно его, и как он только мог увлечься седьмым братом!

Ворочаясь с боку на бок, он в конце концов заснул.

Ночью императору приснился сон.

Всё было затянуто белым туманом: седьмой брат взошел на престол и, увидев в зале суда, как красиво премьер-министр бьется головой о колонну, решил забрать его себе силой. А премьер-министр в глубине души был и не против.

Они жили душа в душу, словно лютня и гусли. Император пытался помешать им, но никто его не видел. В финале он собственными глазами узрел, как премьер-министр, точь-в-точь как в романах, приторно-сладким голосом зовет седьмого брата «муженьком», а глаза его полны любви.

Император в ужасе проснулся и принялся трясти Ли Цзинъюя:

— Ли Цзинъюй, почему императорский брат?! Чем он лучше меня?

Премьер-министр и без того был не в духе по утрам, а быть разбуженным посреди ночи — это было выше его сил.

Он схватил лежащую рядом подушку, швырнул её в императора и в ярости выкрикнул:

— Дурак!

То письмо было адресовано вовсе не седьмому принцу. Оно предназначалось семнадцатому.

В те времена, когда семнадцатый принц еще не был императором. А премьер-министр был его

соучеником и товарищем в играх.

<http://bllate.org/book/17312/1620401>